

21 МАР 1984

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ИТИКА, КУЛЬТУРА

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

ИМЯ МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВА я услышал от Николая Николаевича Асеева. Он спросил, читал ли я «Вишневы омут», и невероятно рассердился, когда я признался, что не читал. Что я только не услышал! Был обвинен в высокомерии, в «фольклористской ограниченности», в непонимании, что есть певцы «идиотизма деревенской жизни» (это определение Н. Н. Асеев очень любил и часто его употреблял!), но есть и настоящие писатели... И заговорил о гоголевской традиции, о Золя, вообще о большой литературе, которая плевать хотела на моды!

Почти одновременно Михаил Алексеев, к своему удивлению, получил от него письмо:

«Москва, 20 ноября 1961 г.

Дорогой Михаил Николаевич!

Вчера дочитал с большим интересом Ваш «Вишневы омут». Повторю — с интересом не для дружественного комплимента сказано и не в виде похвалы — по плечу, Ваши деревенские «Ругоны-Маккары» (так я понимаю авторский замысел) еще только перешли рубеж второго поколения. Что будет дальше...

У Вас деревня многоцветна, многозвучна на величественном фоне природы, в которой Вы разбираетесь любовно, отточенно. Вы знаете и голоса птиц и названия растений так, как ни из какого ботанического или орнитологического атласа не узнать. Вы с природой заодно, не наблюдатель, а участник ее дел. Поэтому прекрасны Ваши утра и вечера на

лугу над рекой и в лесу. И тут нет искусственности литературных украшений. В этом Вы ближе всего гоголевским «Вечерам на хуторе».

Далее — будем точны — шел серьезный разбор книги. Николай Николаевич, при всей его восторженности, темпераменте и умении стремительно влюбляться в книги, ошибался редко.

Последующие романы Михаила Алексеева подтвердили справедливость мысли о начале эпоса. И я вспомнил пророчество поэта, читая роман «Драчуны».

Есть такой ранний цветок — не очень яркий, не очень броский, желтенький, небольшой. Он расцветает раньше, чем распускаются его листья. А листья его необычны: с внешней стороны они глянцево-гладкие и прохладные, с нижней — бархатистые и теплые. В народе не бывает случайных названий или прозвищ, и цветок этот называется мать-и-мачеха.

Я вспомнил об этом растении, едва начал роман Михаила Николаевича «Драчуны» — роман о далеком детстве, падающем на самый конец двадцатых — начало тридцатых годов, о детстве мальчишек, которые жили за тысячу верст от Ленинграда, от улицы Марата, где жила, мальчишек, которые, казалось

бы, были заняты совсем иными делами и заботами. И в то же время роман «Драчуны» — повествование о моем поколении.

Мы снова — в который раз! — в селе Монастырском. Знакомые лица, знакомые люди... Михаил Алексеев опять приводит нас в избы, где мы уже не раз бывали, читая его предыдущие романы и повести.

Двое мальчишек — Мишка и Ванька Жуков — двое озорников, неразлучных друзей — подрались. Подрались двое мальчишек, а раскололось все село, разделилось на «своих» и «чужих», будто разверзлась между ними пропасть...

Русская литература знает великие произведения о детстве. Это одна из ее существенных традиций. Есть в судьбах «драчунов» нечто непреложно существующее «вне времени», такое, что уже никогда не может вернуться к человеку, — обаяние не-

посредственности, восторг перед жизнью (счастлив, кто сохранит его надругол!), естественность связи с природой.

Обаятельны, несмотря на резкие возрастные перепады поступков, настроений, Мишка и Ванька. И с какой ясностью и глубиной описаны их игры, споры, их радости, огорчения, их взросление!

«— Миш... Миша... Михаил! И зачем только люди дерутся?... Давай с тобой никогда... ну, сроду не будем драться!»

Мысль навсегда!

Мы идем вместе с автором по дорогам начала тридцатых, но не только суховеи далеких детских лет шевелят листья и травы Монастырского. В роман врываються трагические бури 1941—1945 годов и стремительные ветры 1980-х. И уже иные драмы грядущего встают перед читателями книги. Может быть, и поэтому мы так горячо воспринимаем призыв к миру — к мальчишескому и человеческому, который несетесь из Монастырского: «Давай с тобой никогда... ну, сроду не будем драться!»

Народные речения и присловья, удачно вспомнившиеся местные слова — все это с большим умением и тактом соседствует в романе с обиходной речью людей тридцатых годов.

Язык произведений Михаила Алексеева гибок, богат и прозрачен.

Книга «Драчуны» — несколько лет из жизни страны.

Годы формирования человеческого характера. Годы трудного формирования нового общества в деревне. В этом сказались школа Михаила Шолохова, не подражание ему, а нечто большее. Обращение М. Алексеева к «Поднятой целине» знаменует интерес не только к литературному предшественнику, речь идет о месте книги в жизни писателя, его сверстников, его современников. «События, про которые нам читала учительница, были до того похожи на наши, что невольно думалось: это писатель с нас, с нашего села все сплсал».

Михаил Алексеев рассказывает о событиях со строгостью летописца и яркостью настоящего художника, с предельной честностью коммуниста.

И именно эти черты — простота, яркость и, я бы сказал, документальная бесхитрость изложения — превращают «Драчунов» в произведение большой политической значимости.

Книга Михаила Алексеева вне эстетических или литературных мод. Она исполнена любви к своему детству, к России, к Советской России, к своим героям, к своему времени.

Д.М. МОЛДАВСКИЙ